

1

ФЕВРАЛЬ 1758 Г.

Следуйте за мной, — шепотом сказал врач Нансин, — и не задавайте вопросов. Лунный свет, бесшумный, как падающий снег, освещал крыши павильонов и статуи зверей на карнизах. Напольные светильники заливали золотистым светом тронутые инеем внутренние дворики и лабиринты дверей и окон. Вокруг царила тишина, лишь вдали били в колокол, и его звон проносился над столицей и над дворцом Чхандок¹. С двадцать восьмым ударом ворота дворца запрут на ночь.

Как только королевский врач повернулся к нам спиной, мы с Чыын обменялись недоуменными взглядами.

«Разве наша смена не закончилась? — спросила она одними губами. — Разве нас не должны отпустить домой?»

Я метнула нервный взгляд на врача и ответила: «Все это очень странно».

¹ Дворцовый комплекс в Ханяне (сейчас Сеул). Построен во времена правления династии Чосон (1392—1897).

Но откуда нам было знать, что действительно странно? Мы только-только заступили на должности нэ-ыйнэ, медсестер, назначенных на службу во дворце.

— Нельзя терять ни секунды. — Королевский врач ускорил шаг, он, казалось, запыхался; его руки в широких рукавах были напряжены; синий шелковый халат вздымался подобно штормовым волнам, длинный белый фартук напоминал венчающую их пену. — Нужно поторапливаться.

Мы с Чиын тоже прибавили шагу. Наши длинные тени вытянулись еще больше. Она несла поднос, я — фонарь. На этот раз мы помалкивали, хотя обычно жаловались друг другу на то, что в животах у нас урчит от голода, а руки-ноги устали от работы. Во дворце все было иначе, чем вне его. Никто здесь не вел себя словно ребенок. Даже королевские дети казались серьезными и чем-то озабоченными взрослыми.

Мы быстро покинули Королевскую аптеку, расположенную в восточном углу дворцовой территории, и миновали один внутренний дворик за другим; звук большого колокола несся нам вслед. Колокол прозвонил в двадцать шестой, в двадцать седьмой и, наконец, в двадцать восьмой раз. Я услышала, как захлопнулись главные ворота; покинуть дворец стало невозможно. Меня пронзила тревога, в голове пронеслись сделанные мне предостережения:

«Войти во дворец — значит ступить на путь, запятнанный кровью, — шептали наши врачи-наставники. — Скоро прольется кровь. Надеемся только, что кровь эта будет не твоя».

Чем дальше на юг мы продвигались, тем пустынное становилось вокруг, и вскоре мы оказались в че-

тырех ли¹ от места, где, как я знала, жило большинство членов королевской семьи. Идти оставалось еще с полчаса.

Тени, наводнявшие пустые павильоны, становились все темнее; снежный покров не был больше испещрен голубыми отпечатками ног и выглядел нетронутым. Наконец мы прошли через охраняемые ворота и ступили во двор, освещенный светильниками. Посередине двора был квадратный пруд с лилиями, в затянутой льдом поверхности которого отражалась круглая серебристая луна и черные очертания гор.

Я никогда прежде не бывала здесь.

Перед двором возвышался величественный павильон — здание с длинным рядом закрытых экранами-решетками окон, высокими колоннами и красивой, крытой черной черепицей крышей. На деревянной вывеске под ней значилось: «Павильон Чосын». Это было главное здание дворцового комплекса Тонкунчун.

Резиденция наследника престола.

Мне не доводилось прежде видеть наследного принца Джанхона, но до моих ушей долетали неясные слухи о нем. Говорят, когда он родился, король, известный строгим стоицизмом, чуть было не упал, запутавшись в полах халата, — очень уж торопился взять сына на руки. Невозможно прекрасного сына и единственного оставшегося в живых наследника. Король так полюбил его, что поспешил официально объявить наследным принцем. Но у этой привилегии была своя цена. Когда младенцу было всего сто дней,

¹ Ли — корейская мера длины, равна 0,393 километра.

его забрали у матери и поселили в павильоне Чосын и его воспитанием занялись исключительно чужие ему люди. Отца с матерью же он видел всего раз в году. И о лишенном родительской заботы ребенке поползли тревожные слухи.

Я слышала, как дворцовая медсестра сказала как-то: «Придет время, когда наследного принца убьют, — и это сделают либо приверженцы партии старых, либо собственный отец». Завидев меня и Чиын, она тут же замолкла, потому что мы во дворце были новенькими.

— Пошли.

Я моргнула и вновь обратила свое внимание на врача Нансина. Тот жестом показал, что следует поторапливаться. Мы послушно поспешили за ним мимо придворных дам, неподвижных, словно статуи. Впрочем, одна молодая женщина украдкой следила за нами. Наши взгляды встретились, и она быстро опустила прикрытые ресницами глаза. Но все же у меня возникло ощущение, будто за нами наблюдает еще тысяча глаз.

Я отставила в сторону фонарь и почувствовала, как у меня забился пульс. Мы поднялись по ступеням на террасу и вошли в павильон. Слуги, тихие, словно тень, по очереди открывали перед нами многочисленные деревянные двери, и мы продвигались все дальше в глубь дворца, пока не достигли внутренних покоев. Здесь нас встретил евнух, лицо которого было бледным и обеспокоенным.

— Я знаю, ваш рабочий день закончился, — прошептал он врачу. — Но дело не терпит отлагательства. Принцу необходима ваша помощь.

Я наклонила голову, пряча распахнувшиеся от шока глаза. До сих пор во дворце я оказывала помощь исключительно женщинам — принцессам, наложницам и придворным дамам. Мне еще не приходилось ассистировать врачам, лечившим мужчин из королевской семьи.

— Пожалуйста, идите за мной. — Евнух, сгорбившись, сопроводил нас в покои, окутанные тьмой; вокруг горящих напольных светильников и свеч роились тени. Повсюду беспорядочно валялись стопки книг. Две придворные дамы, охваченные дрожью, стояли у искусно сплетенной бамбуковой занавески, свешивающейся с потолка. Когда мы вошли, слуги подняли ее, и мы увидели лежащего на циновке человека в белом халате.

— Уйдите, вы обе, — приказал женский голос.

Придворные дамы поторопились удалиться, и я посмотрела на сидящую у стены женщину. Это была госпожа Хегён, жена наследного принца; им обоим было по двадцать три года, а поженились они в девятилетнем возрасте. Она, как и всегда, выглядела безукоризненно. На ней был шелковый халат, украшенный блестящими медальонами с изображениями драконов, а ее гладкие волосы, блестевшие в свете свечей, были стянуты у основания шеи в идеальный узел, скрепленный золотой шпилькой. Я уже встречала госпожу несколько раз в зале Чхиппок. Похоже, большую часть своего времени она предпочитала проводить со свекровью, а не с мужем.

— Его высочество болеет уже два дня, и ему становится все хуже, — сказала госпожа Хегён так, будто обращалась не к нам, а к тем, кто находился снаружи.

— Его высочество принимал сегодня какие-нибудь лекарства? — спросил врач Нансин.

— Нет. Утром, казалось, ему стало намного лучше, но днем он потерял сознание, и с тех пор его состояние не менялось.

Врач склонил голову.

— Я сейчас осмотрю его высочество. — Он встал на колени рядом с лежащим к нам спиной молодым человеком, и мы с Чийн — рядом с ним. Покрывало на кровати зашелестело, наследный принц с помощью евнуха принял сидячее положение.

— Скажите мне, что с его высочеством? — попросила госпожа Хегён. — Он очень слаб и весь день не встает.

Я никогда прежде не видела принца даже издали, поскольку большую часть времени он проводил, тренируясь в Запретном саду, — совершенствовался в искусстве владения мечом и луком. Я не смогла удержаться. Очень осторожно мой взгляд пробежался по халату для сна его высочества, кисти, которую держал в своей руке врач, по его горлу... и вдруг наткнулся на донельзя испуганное морщинистое лицо.

Я моргнула.

Крепко зажмурила глаза и снова открыла. Ничего не изменилось. Мне не привиделось.

Я, оторопев, смотрела на старика-евнуха, одетого как наследный принц и сидящего на его кровати. Это был не принц Джанхон. И тем не менее врач Нансин оставался коленопреклоненным и не отрывал проворных пальцев от кисти самозванца, словно евнух и в самом деле был будущим королем.

— Его королевское высочество слаб, потому что слаба его ки¹. — Врач посмотрел через плечо, открыв нам часть своего лица. По его виску струился пот. — Сестра Чиын, принеси женьшеневый чай.

Чиын, не шевелясь, смотрела на принца-самозванца.

— Е-евнух Им? — прошептала она.

Врач стрельнул в нее взглядом, его лицо было мертвенно-бледным.

— Тихо, — прошипел он, а потом перевел взгляд на меня: — Сестра Хён, принеси, пожалуйста, лекарство.

Я встала, взяла из рук Чиын поднос и, к своему ужасу, увидела, что руки у меня дрожат. Поднос трясся, и я почувствовала, что взгляды присутствующих обращаются на меня.

— Ты сильно покраснела, медсестра Хён, — донесся до меня голос госпожи Хегён, — и выглядишь взволнованной.

Я сильнее вцепилась в поднос, но он продолжал дребезжать.

— Прошу прощения, госпожа.

— Мне говорили, при рождении тебе дали имя Пэк-хён.

— Да, госпожа. — У меня перехватило дыхание. — Это мое имя.

— Так обычно называют мальчиков.

Мне хотелось вытереть пот со лба — никто из членов королевской семьи никогда не разглядывал меня столь внимательно.

¹ Японский термин со значением «энергия».

— Мама была так сильно огорчена тем, что у нее родилась девочка, что дала мне имя, заготовленное для сына.

Хегён пристально смотрела на меня, и воздух вокруг казался плотным и тяжелым; коже было больно от малейшего движения. А затем она прошептала:

— Ты почти вылитая любимая сестра принца, принцесса Хвахён, умершая вот уже шесть лет тому назад.

Я стояла, замерев от страха, поскольку не знала, обижает госпожу Хегён мое сходство с принцессой или нет. И я не осознавала, что мышцы у меня болезненно напряжены, до тех пор, пока она не отвела взгляд — только тогда я смогла тут же расслабить плечи.

— А ты Чиын, — сказала госпожа Хегён по-прежнему полупешотом, — двоюродная сестра нашего нового инспектора полиции.

— Д-д-да, — заикаясь, пролепетала Чиын, — э-это т-т-так.

Я поставила дребезжащий поднос на пол и снова села на колени позади врача, пряча в юбке потные руки. Мне хотелось посмотреть в сторону, туда, где стояла на коленях Чиын, но меня сдерживало охватившее все мое естество смятение.

— У меня была веская причина позвать вас сюда. — Госпожа Хегён бросила взгляд на забранную решеткой дверь, из-за которой слышался звук чьих-то шагов. Показался было силуэт одной из придворных дам, но тут же исчез. — Дело в том, что у вас есть кое-что общее.

Наконец я подняла глаза на Чиын. Мы с ней были одного возраста — нам только что исполнилось восем-

надцать. Обе мы были дочерьми простых наложниц, то есть девушками-служанками, принадлежащими к рангу чхонмин — низшему из низших. Вот только отец Чиын признал ее своей дочерью, а для моего я значила не больше, чем слуги в его доме.

— Вас обеих недавно назначили работать во дворце, — продолжила госпожа Хегён. — А до того вы были медсестрами в Хёминсо¹, любимицами медсестры Чонсу. А я очень доверяю этой женщине.

Я крепко ухватилась за юбку. Что касается Чиын, то она была смущена не меньше моего.

— Медсестра Чонсу — друг моей семьи. А семья королевского врача Нансина в родстве с моей семьей. И надеюсь, я могу доверять вам, поскольку ваш наставник убедил меня в вашей благонадежности. — Тут в ее голос вкралась тревожная нотка. — Надеюсь, никто еще не завербовал вас в шпионы.

— Нет, конечно же, нет, госпожа, — выпалила Чиын. — Мы бы не посмели...

Госпожа приложила палец к губам.

— Во дворце говорят громко, только когда хотят, чтобы их слова услышали все, в иных случаях следует шептать. Во дворце все слушают и прислушиваются. Здесь все чьи-то шпионы. — Она перевела взгляд на принца-самозванца: — Так я могу доверять вам?

— Да, — в один голос ответили мы с Чиын.

— Тогда продолжайте заниматься его королевским высочеством, и если к вам обратится король, скажите его величеству, что его сын все еще нездоров.

¹ Медицинское учреждение времен династии Чосон в Корее.